

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.9>

UDC 811.161.1'04:81.42
LBC 81.411.2-03

Submitted: 15.01.2025
Accepted: 05.06.2025

CHRONICLES RECONSTRUCTION BY A.A. SHAKHMATOV: TO THE PROBLEM OF RELIABILITY

Elena N. Bekasova

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

Abstract. The name of A.A. Shakhmatov was firmly entrenched in the theory of the Church Slavonic basis of the Russian literary language. In this regard, the unique work of Shakhmatov on the restoration of the texts of the oldest chronicles deserves special attention, where genetically correlating reflexes of pre-Slavic combinations included in the list of the most reliable diagnostic signs are presented as a marker of the South Slavic and East Slavic elements. The textual and statistical analysis of the specifics of fixing genetically correlative reflexes indicates the differences in various reflex groups in the restored texts, as well as the discrepancies within the groups in accordance with the features that Shakhmatov noted in the suggested classification of Church Slavonic and Russian correspondences. When compared to *Povest' Vremennykh Let (Russian Primary Chronicle, A Tale of Bygone Years)*, the reconstructed texts demonstrated prevalence of pleophonic root usage over non-pleophonic one. The groups *dj, *tj with the main tendency towards homogeneity in formations with a complete morphological paradigm (respectively in the South Slavic and East Slavic design) are quite diverse in the groups of "individual words" identified by Shakhmatov. In accordance with this, a characteristic feature of the reconstructed texts is their general heterogeneity, including the combination of genetically heterogeneous elements within closely related contexts, which contradicts the conception of the Church-Slavonic nature of West-Slavonic literary language.

Key words: Old Russian chronicles, reconstructed chronicles, *Povest' Vremennykh Let (A Tale of Bygone Years)*, A.A. Shakhmatov, reconstruction, textology.

Citation. Bekasova E.N. Chronicles Reconstruction by A.A. Shakhmatov: To the Problem of Reliability. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 6, pp. 105-115. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.9>

УДК 811.161.1'04:81.42
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 15.01.2025
Дата принятия статьи: 05.06.2025

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛЕТОПИСНЫХ ТЕКСТОВ А.А. ШАХМАТОВЫМ: К ПРОБЛЕМЕ ДОСТОВЕРНОСТИ

Елена Николаевна Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

Аннотация. Имя А.А. Шахматова прочно закрепилось за теорией церковнославянской основы русского литературного языка. В связи с этим особого внимания заслуживает исследование А.А. Шахматова по восстановлению текстов древнейших летописных сводов, где в качестве маркера южнославянской и восточнославянской стихий представлены генетически соотносительные рефлексии праславянских сочетаний, входящие в список достоверных диагностирующих признаков. Текстологический и статисти-

ческий анализ специфики фиксации генетически соотносительных рефлексов дает основание констатировать не только различия представления в восстановленных текстах групп рефлексов, но и расхождения внутри групп в соответствии с теми особенностями, которые отметил А.А. Шахматов в разработанной им классификации церковнославянских и русских соответствий. По сравнению с Повестью временных лет в реконструированных летописных текстах по количеству словоупотреблений преобладает полногласие с повышенным использованием корней с неполногласием. Группы *dj, *tj при основной тенденции к гомогенности в образованиях с полной морфонологической парадигмой (соответственно в южнославянском и восточнославянском оформлении) достаточно разнообразны в выделенных ученым группах «отдельных слов». В результате характерной особенностью реконструкции текстов становится их общая гетерогенность, включая совмещение генетически неоднородных элементов в пределах тесно связанных контекстов, что противоречит концепции церковнославянской природы восточнославянского литературного языка.

Ключевые слова: древнерусские летописи, летописные списки, Повесть временных лет, А.А. Шахматов, реконструкция, текстология.

Цитирование. Бекасова Е. Н. Реконструкция летописных текстов А.А. Шахматовым: к проблеме достоверности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 6. – С. 105–115. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.9>

Введение

Сложившееся мнение о старославянском языке как основе русского литературного языка традиционно соединилось с именем А.А. Шахматова, с которым, безусловно, связана одна из блестящих страниц не только русистики, но и мировой филологии. Деятельность ученого открыла новые горизонты изучения современного состояния и истории языка, синтаксиса, диалектологии, лексикографии, а также методики преподавания русского языка. Широкий лингвистический кругозор А.А. Шахматова в соединении с его глубокими знаниями письменных источников и истории народа, помноженные на смелость исследователя, создавали резонансный эффект классики – востребованной во все времена. Однако судьба классики не только в том, что благодаря ей наука продвигается вперед и стоящие на «плечах гигантов» делают новые открытия, но и в расхождении цитат, нередко вырванных из контекста для подтверждения той или иной позиции. Весьма показательным в этом плане признание Шахматова создателем «красивой и величественной картины болгарского языкового книжного и устного влияния на разные типы языка Киевской Руси» [Виноградов, 1978, с. 227], которая, несмотря на справедливое замечание В.В. Виноградова о «сильном увлечении и преувеличении» автора, стала для одних аксиомой, а для других – точкой распространения «оригинальных отклонений от

шахматовской концепции» в виде рассмотрения современного русского литературного языка как развивающегося и обогащающегося церковнославянского языка [Unbegaun, 1968, p. 129].

Крупнейшие ученые, в том числе представившие собственные концепции генезиса русского литературного языка, по-разному оценивали высказывания А.А. Шахматова, в основном подчеркивая традиционность его деклараций, развитых «более решительно, чем его предшественниками» [Мещерский, 1981, с. 29] и «с особым блеском и талантом» [Виноградов, 1978]. При этом следует прислушаться к мнению В.В. Виноградова и С.П. Обнорского, которые подчеркивали, что их учитель не интересовался и не занимался проблемами русского литературного языка, но в своем курсе современного русского языка обязан был «коснуться вопроса об образовании русского литературного языка и изложил его в согласии с обычными представлениями своего времени» [Обнорский, 1960, с. 30]. Безусловно, феномен закрепления сложившегося на тот момент мнения о старославянской основе русского литературного языка за именем Шахматова объясняется его беспрецедентным научным авторитетом в лингвистике, филологии и истории.

В.В. Виноградов первым высоко оценил постоянный исследовательский поиск Шахматова: «Конденсация новых идей, концепций, обобщений, исторических открытий, относящихся к истории русского литературного язы-

ка, содержится в замечательных трудах Шахматова по изображению общего процесса развития русского литературного языка. Здесь точки зрения Шахматова изменялись, углублялись...» [Виноградов, 1978, с. 223].

А.И. Горшков, рассматривая проблемы русского языка в его отношении к старославянскому, убедительно показал, что у Шахматова существует ряд представлений становления и развития литературного языка, далеко уходящих от однолинейной хрестоматийной аксиомы, тем более, что, по Шахматову, «церковнославянский язык мог иметь историю на русской почве только в том случае, если он не выступал как “иноземный” язык, которым пользовались русские, а “утрачивал свое иноземное обличье” и превращался, “претворялся” в русский литературный язык» [Горшков, 1987, с. 13]. С другой стороны, В.В. Колесов вполне обоснованно утверждал, что «гипотеза Обнорского – продолжение и развитие теории Шахматова в новых исторических условиях, когда на основе углубленного изучения русских говоров (начатого Шахматовым) и исторического развития русского языка стала ясна действительная значимость церковнокнижных текстов в формировании русского литературного языка. Расширялся и объект изучения: для Шахматова это в основном фонетика и грамматические формы, тогда как для Обнорского – грамматические категории, семантика, стиль» [Колесов, 1989, с. 4].

Следует отметить, что парадоксальный подход к определению генезиса русского литературного языка чаще всего несет некий отпечаток впечатлений от древнерусских памятников, в результате чего, как пронизательно отметил еще М.А. Колосов, «можно представить описание их, но невозможно сделать никаких относящихся до них выводов» [Колосов, 1872, с. III]. В этой связи считаем, что важны не столько теоретические установки Шахматова, которые при внимательном рассмотрении оказываются далеко не однозначными – как и должно быть у выдающегося ученого, реально занимающегося многообразной историей русского языка от XI до XX в., сколько результаты его научной деятельности, в которой особо выделяются актуальные и до сегодняшнего дня «Разыскания о древ-

нерусских летописях», где Шахматов приходит к самому замечательному и смелому в нашей исторической и филологической науке проекту – к реконструкции не дошедших до нас в первоначальном виде двух редакций Повести временных лет (далее – ПВЛ) – Древнейшего Киевского свода 1039 г. в редакции 1073 г. и Новгородского свода 1050 г. с продолжениями до 1079 года.

С учетом выделенных Шахматовым «категорий бесспорных церковнославянских элементов», соотнесенных с восточнославянскими коррелятами, нами был проведен конкретный анализ их представления в реконструированных текстах летописных сводов. В качестве основной цели рассматриваем определение генетического фона восстановленных летописных текстов в соотношении с теоретическими установками ученого и реальным функционированием диагностирующих признаков в древнерусских рукописях, что дает основание определить степень достоверности Шахматовских реконструкций. В этом случае необходимо использование методов и приемов лингвогенетических исследований, с привлечением статистических и текстологических методик.

Результаты и обсуждение

При восстановлении летописных сводов Шахматов особо отмечает свой «выбор между церковнославянскими и русскими формами» в соответствии с рукописной традицией прежде всего генетически соотносительных рефлексов праславянских сочетаний. Надо отметить, что уже Ф.И. Буслаев указал, что их судьба на русской почве была неодинаковой. Однако Шахматов первым представил классификацию генетически неоднородных рефлексов [Шахматов, 1952, с. 249–261], которая позволяет и сейчас рассматривать южнославянские и восточнославянские по происхождению рефлексы в качестве диагностирующих признаков в исследованиях памятников древнерусской письменности и эффективных аргументов в построении концепций и гипотез генезиса русского литературного языка.

Для целей исследования «воссоздания» текстов древнейших летописных сводов необходимо отметить, что Шахматов не только разграничивает каждую из групп по результа-

там представления генетически соотносительных элементов в системе современного русского литературного языка, но и внутри групп указывает факторы, определяющие выбор и закрепление того или иного по происхождению рефлекса. Если для отбора полногласных и неполногласных сочетаний, входящих в состав корня, важным оказываются стилистические и семантические критерии, то группы рефлексов *dj и *tj не только решительно отделены, но и разведены, поскольку внутри данных групп, которые нередко рассматриваются современными учеными недифференцированно, выделяются подгруппы «отдельных слов», причастий, форм I лица ед. ч. настоящего времени и отглагольных существительных.

Наше исследование механизмов организации генетически неоднородных элементов в истории русского языка подтверждает различия в судьбе генетически соотносительных рефлексов праславянских сочетаний, которые зависели от действия ряда лингвистических факторов – фонетического, морфонологического, лексико-семантического [Бекасова, 2016], а при реализации в отдельных рукописях выбор мог определяться традициями скриптория, бытованием списков или редакций и рядом экстралингвистических факторов [Бекасова, 2010, с. 105–151].

Наиболее популярная среди достоверных диагностических признаков группа рефлексов праславянских сочетаний с плавными в восстановленных текстах сопровождается замечаниями Шахматова о допустимости «некоторых полногласных форм (*порогъ, Новгородъ, Деревляне, но градъ, берегъ*)» (382) (здесь и далее в скобках даются ссылки на: [Шахматов, 2001]). Следует отметить, что данная группа изначально характеризовалась высокой степенью морфонологической вариативности, поскольку «“неполногласные” сочетания типа *трава* вообще-то были свойственны русскому языку, и чистая форма типа *градъ* сама по себе ничего не значила» [Колесов, 1989, с. 267]. Соответственно южнославянские рефлексы в момент трансплантации в систему восточнославянского языка не нуждались в фонетической ассимиляции. Кроме того, полногласные и неполногласные сочетания, как правило, находятся внутри корня, что, в отличие от генетически соотносительных

рефлексов *dj, *tj, не требовало их адаптации в структуре слова и способствовало беспрепятственной реализации семантической маркированности, ставшей причиной дифференциации слов типа *порох / прах*. В данном случае мы имеем дело с классическим примером отмеченных И.А. Бодуэном де Куртенэ генетически неоднородных корреляций, которые имеют «обычно семасиологическое задание, а именно – выражают различные модификации значения» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 301]. Как показывают наши исследования, именно *torot-* и *trat-*лексемы в восточнославянском языке реализуют высокую степень гетерогенности, особенно в летописях [Бекасова, 2010, с. 123–129].

В восстановленных Шахматовым текстах в данной группе наблюдается высокая степень разнообразия, особенно показательная в использовании корнесловов типа *берег / брег, ворот- / врат-, голов- / глав-, голод / глад, город / град*, например: «а тьркъ **берегъ**мъ приведе на конихъ» (461) – «выскачаша прочии вои из лодии на **брегъ**» (388); «тълпа поиде отъ **воротъ**» – «Повѣси же щить свои на **вратѣхъ**» (440); «и седьло въ **головахъ**» (393) – «да въдали по числу на **главы**» (396); «и **голодь** пуцають» (467) – «Божимъ гнѣвъмъ гоними, ови отъ зимы, друзи же **гладъ**мъ» (433); «и възя **городъ** 80 по Дунаеве» (393) – «И оступиша **градъ** въ силѣ велицѣ» (393) и под. Следует подчеркнуть, что корнесловы с полногласием *городъ* и *берегъ* фиксируются в текстах, несмотря на наложенный самим Шахматовым запрет на их употребление.

Подобное «варьирование наименований» [Кандаурова, 1968, с. 142] – явление весьма характерное для текстов летописи, однако уровень гетерогенности, например, в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку в два раза выше, чем в реконструкциях А.А. Шахматова, причем ряд корней типа *-(в)олок-/-(в)лак-, -ворон-/-вран-, -ворот-/-врат-, -голов-/-глав-, -город-/-град-, -золот-/-злат-, -полон-/-плен-*, судя по нашим наблюдениям, обладает абсолютной гетерогенностью, поскольку их неоднородность представлена не только в летописях, но и в записях фольклора (прежде всего былин), что свидетельствует об общих механизмах вхождения и функционирования инославянских

элементов, а также их соотношения с исконными соответствиями в стразах древнерусского языка, ср.: «Не в Давыдовѣ городѣ, ни слѣплень, но в твоємъ градѣ ять и слѣплень» (ПВЛ, с. 112) – «А й под тот под славный стольный Киев град. Как под нашим-то под городом под Киевом Стоит собака Калин царь» (ОБ, т. 2, с. 25); «Не суть то бози, но древо <...> суть дѣлани руками в деревѣ» (ПВЛ, с. 38) – «В саду три деревца: Первое деревце – кипарисное, Другое деревце – сладка яблоня, Третье деревце – зелена груша. Кипарис древо – родной батюшко» (СНП, с. 75); «аще полоняникъ обою страну держим естъ или от Руси, или от грекъ, проданъ в ону страну <...> възвратятъ искупное лице въ свою сторону» (ПВЛ, с. 19) – «Я естъ сиверной страны да Золотой орды... Да поезжай-ко ты да в свою сторону» (ОБ, т. 3, с. 269) и др. Аналогичное совмещение генетически соотносительные дублетов допускает и Шахматов, например: «а мьнѣ буди си сторона <...> Ярославъ прия сию страну» (427).

Тождественные условия реализации генетически неоднородных элементов дают основание целому ряду серьезных исследователей (Е.М. Верещагин, В.П. Вомперский, А.И. Горшков, В.В. Колесов и др.) предполагать намеренное генетическое варьирование. В частности, Л.М. Устюгова на основе текстологического анализа наиболее значимых списков ПВЛ доказала, что «максимальная свобода совмещения *torot-* и *trat-* лексем в летописях является исконной особенностью древнерусского литературного языка» [Устюгова, 1987, с. 104]. Сохранение такой особенности в реконструкциях Шахматова, по мнению Л.М. Устюговой, «убедительно свидетельствует о том, что ученый воспринимал их как исконную особенность текста ПВЛ» [Устюгова, 1987, с. 103–104].

Высокая степень гетерогенности группы соотносительных рефлексов дифтонгических сочетаний с плавными в восстановленных текстах обусловлена тем, что в них фиксируется 42,9 % соотносительных корней, в образованиях от которых преобладает неполногласие (67,7 %). 56,1 % корней имеют исключительно южнославянскую огласовку (с полногласием – 1 %). Однако несмотря на то, что в текстах представлено 79,5 % слов с неполногласием, общий фон реконструкции можно

охарактеризовать как гетерогенный, поскольку имена собственные типа *Володимеръ*, *Новгородъ* в 96,3 % случаев имеют восточнославянскую огласовку. В результате с учетом ономастических единиц в восстановленных текстах фиксируется 55,2 % словоупотреблений с полногласием.

В списках Повести временных лет отмечается гетерогенность практически всех корневых морфов и приставок-предлогов типа *пре-* / *пере-*, однако в отдельных рукописях прослеживаются предпочтения фиксации или *torot-*, или *trat-* лексем, что достаточно показательно в разночтениях списков. В частности, различия в распределении членов коррелятивной пары *брегъ* / *берегъ* между Лаврентьевским, Ипатьевским списками, с одной стороны, и Радзивилловским, Академическим списками, с другой – дают основание считать, что книжники различных скрипториев Древней Руси не только отчетливо осознавали соотношенность южнославянского по происхождению *брегъ* и исконного *берегъ* и специфику связанных с этим различных повествовательных традиций, но и в период XIV–XV вв., как и ранее, резко не противопоставляли их как книжный и разговорный элементы [Бекасова, Устюгова, 2017].

В отличие от Шахматовской реконструкции генетический фон, например, Лаврентьевского списка показывает не только более богатый фонд полногласной и неполногласной лексики (что, впрочем, объяснимо с точки зрения объемов и содержания сравниваемых текстов), но и более высокий уровень гетерогенности: преобладают соотносительные корни (84 %), где понижена неполногласная огласовка (60 %), соответственно менее употребительны слова с неполногласием (43,2 %). Однако общее соотношение словоупотреблений с полногласием (в том числе с учетом преобладания восточнославянского облика в именах собственных – 99 %) несколько ниже, чем в восстановленных текстах – 49,1 %. Преобладание словоупотреблений с полногласием в реконструкциях Шахматова может объясняться большим разнообразием лексического состава Лаврентьевской летописи. В частности, в восстановленных текстах количество топонимов и антропонимов с полногласием в 4,5 раза больше, чем имен нарица-

тельных в восточнославянской огласовке, тогда как в Лаврентьевском списке они встречаются только в 1,7 раза чаще. В связи с этим высокая степень фиксации ономастической лексики в реконструкциях Шахматова нередко является причиной гетерогенности текста, ср.: *нощю иде Вышегороду* (416); *Иде Володимеръ къ Ляхомъ и зая грады ихъ, Перемышль, Чьрвень и ины грады* (402) и др.

Понимание Шахматовым высокого уровня генетической соотносительности рефлексов праславянских сочетаний обуславливает ослабление в ряде случаев внимания к специфике их реализации в том или ином контексте. Так, при фиксации корнесловов *соромъ / срамъ* в списках ПВЛ выбор неполногласия определяется «предпочтительностью чтения Лавр. списка» [Шахматов, 2001, с. 479–480] «мъртви бо срама не имамъ» и прежде всего правильностью, с точки зрения Шахматова, форм глагола и прилагательного.

В целом анализ особенностей представления *torot-* и *trat-*лексем в восстановленных Шахматовым текстах дает основание определить критерии отбора полногласия / неполногласия и уровень их гетерогенности как совпадающий с летописными списками ПВЛ. Сознательная ориентация на неполногласие, но с обязательным включением полногласия («я руководствовался рукописною традицией» [Шахматов, 2001, с. 382]) свидетельствует прежде всего не о теоретических установках Шахматова, а о его глубоком восприятии летописного текста, в результате чего мы имеем дело с одним из вероятных вариантов летописи в реализации весьма разнообразных возможностей варьирования морфем в гетерогенной огласовке.

Снижение генетического разнообразия в восстановленных текстах наблюдается в реализации рефлексов **tj* и **dj*. При этом для **tj* характерна практическая полная гомогенность, поскольку на фоне образований с южнославянским по происхождению рефлексом генетические соответствия фиксируются спорадически (1,5 %). Надо отметить, что в списках ПВЛ, как правило, также предпочитается /щ/ < **tj*, особенно в системных глагольных и отглагольных образованиях с полной морфонологической парадигмой (типа *воплощать, воплощу, воплощенный, воплощение* и др.), например,

в Лаврентьевском списке – 100 %, Ипатьевском списке – 98 %. При этом в других составных частях Лаврентьевской и Ипатьевской летописей уровень гомогенности значительно ниже (Суздальская летопись – 80 %; Галицко-Волынская летопись – 75 %).

В выделенных Шахматовым группах причастий и «отдельных слов» имеются вкрапления исконных рефлексов. Так, форма *придуча* (445) восстанавливается из Радзивилловского списка, поскольку в других списках представлена глагольная форма. Шире представлена вариантность в группе «отдельных слов» типа *нощь – ночь*: «Бояре же *нощю*, межю клѣтьми проймавъше поможь, обьртѣвъше въ коверъ Володимера» (417) – «не забываи, игумене, еже ми еси *ночьсь обьщаль*» (438). Особый интерес представляет отсутствие южнославянского по происхождению коррелята в паре *печера / нещера* в летописной статье о Начале Печерского монастыря (1062 г.). Следует отметить, что в Ипатьевском списке реализуется исключительно форма в восточнославянской огласовке, тогда как в Лаврентьевском списке фиксируется коррелят *нещера* в статьях 1071 и 1091 годов. По мнению Л.М. Устюговой, важную роль в этом случае сыграла не только поздняя книжнославянизация текста, но и стандартизованный случай употребления «русизма» в устойчивом выражении «ископати *печеру / нечерку*» [Устюгова, 1987, с. 104]. Шахматов также исключает широко представленную в списках летописи вариативность генетически соотносительных альтернантов в формах глагола *хотѣти*, где альтернант /ч/ представлен в Лаврентьевском списке в 81,6 %, а в Ипатьевском списке – 24,3 % случаев.

Противоположная тенденция наблюдается в реализации рефлексов **dj*, где в системных глагольных и отглагольных образованиях как в реконструкции текстов летописных сводов, так и в Лаврентьевском и Ипатьевском списках фиксируется исконный альтернант. В связи с этим необходимо обратить внимание на наличие в этих текстах гетерогенов – слов, совмещающих разные по происхождению диагностические признаки, в данном случае образований с неполногласными корнями, реализующими восточнославянский по происхождению рефлекс, например: «наслажаються учения божьствьнаго» (429), «къде бѣ

загражено устье» (442), «кръстьмь бо огражаеми вѣрнии люди побѣжають супостаты противьныя» (454), «Ярославъ разгнѣвася на гражаны» (в примечании: «въ ту ночь... на гражаны») (463).

Такая гетерогенность была широко распространена в древнерусских памятниках, включая богослужебные тексты, где практически стопроцентная реализация неполногласия сталкивается с той или иной степенью лояльности к восточнославянскому рефлексу *dj, например: в Остромировом Евангелии – 11 %, Новгородских Минеях (1095–1097 гг.) – 93,3 %, Киевской Псалтыри – 97,8 %, Острожской Библии – 22,6 % и др. Как в этих текстах, так и в реконструкциях Шахматова наблюдается и гомогенное оформление корня: *гражданы* не бѣ лъзѣ убити его (399).

Особого замечания требует достаточно употребительная и поэтому отмеченная многими исследователями пара *преже / прежде*, при этом в реконструкциях Шахматова, как и в большинстве памятников письменности [Бекасова, 2016, с. 119–120], предпочитается гетероген: «яко же и *преже* бяхъ обыкль уединився жити» (435), «имъ же бѣша жили чьрньци *преже* в печерѣ» (436) – «Варягы *прежде* бо бѣша Словѣне» (387) и под.

В целом массив образований, входящих в полную морфонологическую парадигму, в восстановленных текстах ближе к уровню некоторых церковнославянских текстов (88,5 % – /ж/ и 11,5 % – /жд/), чем к летописным.

В реконструированных текстах ожидаемо выше употребление /жд/ < *dj в группе «отдельных слов», поскольку реализация в ней рефлексов не требовала прохождения морфонологического фильтра, обуславливающего запрет южнославянских по происхождению альтернантов, например, перед суффиксом *-ива* или предпочтение восточнославянских альтернантов перед окончанием *-у* ед. ч. настоящего времени, что сближало их с группой полногласной / неполногласной лексики, обладающей широкой вариативностью однокоренных образований. Однако в восстановленных текстах, кроме указанных соотносительных пар *преже – прежде*, в основном наблюдается генетическое размежевание типа *жажда*, *надежда*, *даждь – мужа*, *между*, *чужеи*,

хужии, *вижь*. В некоторых случаях можно предполагать, что причиной выбора, например, слова *одежда* из Комиссионного и Радзивилловского списков, а не Лаврентьевского, где фиксируется *одежевь* (394), явилась более корректная грамматическая форма (ср. пример со словом *срамъ*).

В целом, в фиксации *tj и *dj в восстановленных текстах следует констатировать диаметрально противоположные тенденции их реализации, свойственные древнерусским памятникам. Несмотря на то, что генетическая чистота для *tj несколько выше, а для *dj ниже, чем в списках ПВЛ, уровень гетерогенности реконструкций достаточно хорошо коррелирует с генетическим фоном других памятников древнерусской письменности, в том числе и церковнославянских [Бекасова, 2010, с. 73–105, 149–157].

Различия в реализации генетически соотносительных рефлексов праславянских сочетаний и возможности образования коррелятивных пар в указанных группах закономерно приводят к столкновению гетерогенных рефлексов в структуре текста, усиливая генетическую неоднородность восстановленных текстов, что особенно показательно в тесно связанных контекстах, например: «*нужею* привлечать» (442), «*свлечеса* грѣховьныя *одежда*» (394), «*бѣ* бо *имуци* *презвутьеръ*»; «*сии* *похорони* *блаженую* Ольгу» (394), «*и* *възвратися* въ *Переяславьць*» (396), «*нощию*, *между* *кльтьми* *проймавъше* *помость*, *обьртѣвъше* въ *ковьрь* *Володимера*» (417), «*и* *пресхавъ* *лоды* *чрезъ* *Дньпръ*» (452) и др.

Однако также следует отметить, что в восстановленных текстах имеются контексты, выдержанные в гомогенном облици, например, с использованием южнославянских рефлексов в статье 986 г. (Выбор веры) или восточнославянских соответствий в статье 1015 г. (Об убиении Борисовѣ). Причем правка текстов в ту или иную сторону происходит в пределах возможных в древнерусских рукописях колебаний.

Выводы

Таким образом, траектории реализации генетически неоднородных рефлексов праславянских сочетаний в восстановленных Шах-

матовым текстах во многом совпадают с тем, что в той или иной степени представлено в списках древнейшего дошедшего до нас летописного свода – Повести временных лет. Объективная картина соотношения южнославянских и восточнославянских по происхождению элементов, безусловно, вписывается и в общую картину их реализации в памятниках древнерусской письменности различной территориальной, жанровой и временной принадлежности [Бекасова, 2010, с. 73–105; Бекасова, 2016, с. 8–125]. Столкновение высокой степени вариативности полногласия / неполногласия с диаметрально противоположными тенденциями в предпочтении реализации рефлексов *tj в южнославянском, а для *dj в восточнославянском по происхождению обличи обуславливает общую гетерогенность текстов, свойственную древнерусскому языку. В частности, на фоне определенной гомогенности системных глагольных и отглагольных образований с полной парадигмой морфологических чередований с рефлексами *dj и *tj высокая степень вариативности «отдельных слов», как правило, сближается с гетерогенностью *torot-* и *trat-* лексем, ср.: у Шахматова /щ/ – 71 %, /жд/ – 26,7 %, неполногласных корней – 57,1 %.

В связи с этим актуальны установки Шахматова, который «руководствовался рукописною традициею» и допускал полногласные формы и написания с *ч*, *ж*, передавая сложившиеся отношения внутри каждой группы. Зафиксированный генетический фон групп и подгрупп при сравнении со списками ПВЛ, на первый взгляд, в некоторой степени подтверждает приверженность Шахматова генетическому «однообразию» в восстановленных текстах древнейших летописных сводов, но при этом полностью отражает диапазон возможных колебаний в реализации рефлексов как в летописях, так и в других древнерусских текстах. Показательно также замечание Шахматова о своих реконструкциях: «Возможно, что в оригиналах XI века было гораздо меньше русизмов, чем это допущено в предлагаемом тексте» [Шахматов, 2001, с. 382]. В этом предположении заключено и утверждение о значимости слоя южнославянских по происхождению элементов в начале русской письменности, и сомнение, основанное на знании реальных памятников письменности. Такое

противоречие обусловлено реальностью генетического фона текста, отражающего деятельность летописца, которая осложнена ориентацией скрипториев, разночтениями в предыдущих источниках, временем и пространством. Однако в целом гетерогенность восстановленных текстов не переходит границ соответствия генетически соотносительных рефлексов в условиях активно складывающихся механизмов их взаимоотношений, отбора и закрепления. Объективность реконструкций текстов в плане их гетерогенности еще раз доказывает, что Шахматов интересовался языком во всех его многообразных проявлениях и был прежде всего исследователем, далеким от односторонности и предвзятости.

В этой связи еще более убедительно и актуально звучит утверждение В.В. Виноградова о том, что «история русского языка в ее современном состоянии носит на себе неизгладимую печать шахматовского влияния. Даже борьба с теориями Шахматова чаще всего ведется при помощи того же оружия, а иногда и тех же средств, которые извлекаются из научных арсеналов самого же Шахматова. Исторические задачи, не решенные Шахматовым, стоят и перед нами...» [Виноградов, 1978, с. 236].

Проанализированный нами один из аспектов деятельности Шахматова в очередной раз подтверждает его непревзойденную славу в лингвистическом и историческом осмыслении уникального явления древнерусской письменности. Присущая Шахматову исследовательская смелость и гениальная интуиция, основанные на строго выверенных фактах и энциклопедических знаниях, пронзивших всю систему русского языка за тысячу лет, позволили ему сделать в области «разысканий о русских летописях» целый ряд таких научных открытий, которые определяют более ста лет разностороннее изучение феномена древнерусской письменности. При этом А.А. Шахматов понимал, «что поверить алгеброй гармонию» сложно: «Я хорошо сознаю субъективность многих из моих “ученых доводов”» [Шахматов, 2001, с. 5].

Летописные своды и в настоящее время представляют крайне сложный объект исследования. Как справедливо отмечает А.А. Гиппиус, «многослойность ПВЛ, безусловно, суще-

ственно затрудняет использование ее как исторического источника, но в то же время является важнейшим ресурсом новой информации» [Гиппиус, 2012, с. 62], и ее исследования, по всей видимости, всегда будут «в рамках “шахматовской” парадигмы» [Гиппиус, 2012, с. 49].

Свою великую картину русского летописания, созданную смелыми и выверенными мазками, А.А. Шахматов оставил следующим поколениям ученых, которые прорисовывают детали, уточняют композицию, накладывают новые краски, но всегда в ней будет присутствовать особый Шахматовский взгляд, проникающий в суть одной из важнейших страниц русской истории, языка и литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бекасова Е. Н., 2010. Генетический фон древнерусского текста. Оренбург : Изд-во ОГПУ. 208 с.
- Бекасова Е. Н., 2016. Механизмы гетерогенной организации системы русского языка (на материале рефлексов праславянских сочетаний). Brno : Tribun EU. 194 с.
- Бекасова Е. Н., Устюгова Л. М., 2017. Лексемы *брег* / *берег* в списках «Повести временных лет» // Известия Южного Федерального университета. Филологические науки. № 2. С. 95–106.
- Бодуэн де Куртенэ И. А., 1963. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Т. 1. М. : Изд-во Акад. наук СССР. 384 с.
- Виноградов В. В., 1978. История русского литературного языка // Избранные труды / отв. ред., сост., авт. вступ. ст. и коммент. д. филол. н. Н. И. Толстой. М. : Наука. 320 с.
- Гиппиус А. А., 2012. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М. ; Вологда : Древности Севера. С. 36–63.
- Горшков А. И., 1987. Отечественные филологи о старославянском и древнерусском литературном языке // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М. : Наука. С. 7–30.
- Кандаурова Т. Н., 1968. О случаях параллельного употребления неполногласных и полногласных слов-вариантов в памятниках XI–XIV вв. // Русская историческая лексикология. М. : Наука. С. 139–144.
- Колесов В. В., 1989. Древнерусский литературный язык. Л. : Изд-во ЛГУ. 294 с.
- Колосов М. А., 1872. Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XVI столетие. Варшава : Тип. Варш. учеб. окр. 192 с.
- Мещерский Н. А., 1981. История русского литературного языка. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та. 280 с.
- Обнорский С. П., 1960. Происхождение русского литературного языка старейшей поры // Избранные работы по русскому языку / вступ. ст. С. Г. Бархударова. М. : Учпедгиз. 354 с.
- Устюгова Л. М., 1987. Книжнославянизмы и соотносительные русизмы в основных списках «Повести временных лет» // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М. : Наука. С. 90–105.
- Шахматов А. А., 1952. Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку (учение о частях речи). М. : Учпедгиз. 272 с.
- Шахматов А. А., 2001. Разыскания о древнерусских летописях. М. : Акад. Проект ; Жуковский : Кучково поле. 880 с.
- Unbegaun В. О., 1968. Le russe litteraire, est-il d'origine russe? // American Contributions to the International Congress of Slavists. P. ; The Hague : [s. n.]. P. 24–130.

ИСТОЧНИКИ

- ПВЛ* – Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Наука, 1999. 668 с.
- ОБ* – Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года / отв. ред. А. М. Астахова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. Т. 2. 1950. 810 с. ; Т. 3. 1951. 669 с.
- СНП* – Собрание народных песен П.В. Киреевского : Записи Языковых в Симбир. и Оренб. губерниях / подгот. текстов к печати, ст. и коммент. А. Д. Соймонова. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. Т. 1. 327 с.

REFERENCES

- Bekasova Ye.N., 2010. *Geneticheskij fon drevnerusskogo teksta* [Genetic Background of the Old Russian Text]. Orenburg, Izd-vo OGPU. 208 p.
- Bekasova Ye.N., 2016. *Mehanizmy geterogennoj organizatsii sistemy russkogo yazyka (na materiale refleksov praslavyanskih sochetanij)* [Mechanisms of Heterogeneous Organization of the Russian Language System (Based on Reflexes of Pre-Slavic Combinations)]. Brno, Tribun EU. 194 p.

- Bekasova Ye.N., Ustyugova L.M., 2017. Leksemy breg / bereg v spiskakh «Povesti vremennykh let» [Lexemes breg / bereg in the Lists Stories of Temporary Years]. *Izvestiya Yuzhnogo Federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], no. 2, pp. 95-106.
- Boduen de Kurtene I.A., 1963. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu. V 2 t. T. 1* [Selected Works on General Linguistics. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR. 384 p.
- Vinogradov V.V., 1978. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [History of the Russian Literary Language]. Tolstoy N.I., ed. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Nauka Publ. 320 p.
- Gippius A.A., 2012. Do i posle Nachalnogo svoda: rannaya letopisnaya istoriya Rusi kak obyekt tekstologicheskoy rekonstruktsii [Before and After the Initial Code: The Early Annalistic History of Russia as an Object of Textual Reconstruction]. Makarov N.A., ed. *Rus v IX–X vekah: arkheologicheskaya panorama* [Russia in the 9th – 10th Centuries: An Archaeological Panorama]. Moscow, Vologda, Drevnosti Severa Publ., pp. 36-63.
- Gorshkov A.I., 1987. Otechestvennye filologi o staroslavlyanskom i drevnerusskom literaturnom yazyke [Domestic Philologists on Old Slavonic and Old Russian Literary Language]. *Drevnerusskiy literaturnyy yazyk v ego otnoshenii k staroslavlyanskomu* [The Old Russian Literary Language in Its Relation to Old Slavonic]. Moscow, Nauka Publ., pp. 7-30.
- Kandaurova T.N., 1968. O sluchayah parallelnogo upotrebleniya nepolnoglasnyh i polnoglasnyh slov-variantov v pamyatnikah XI–XIV vv. [On Cases of Parallel Use of Incomplete and Full-Vowel Word Variants in Monuments of the 11th–14th Centuries]. *Russkaya istoricheskaya leksikologiya* [Russian Historical Lexicology]. Moscow, Nauka Publ., pp. 139-144.
- Kolesov V.V., 1989. *Drevnerusskiy literaturnyy yazyk* [The Old Russian Literary Language]. Leningrad, Izd-vo LGU. 294 p.
- Kolosov M.A., 1872. *Ocherk istorii zvukov i form russkogo yazyka s XI po XVI stoletie* [Essay on the History of Sounds and Forms of the Russian Language from the 11th to the 16th Centuries]. Varshava, Tip. Varsh. ucheb. okr. 192 p.
- Meshchersky N.A., 1981. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [History of the Russian Literary Language]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta. 280 p.
- Obnorsky S.P., 1960. Proishozhdeniye russkogo literaturnogo yazyka stareyshey pory [The Origin of the Russian Literary Language of the Oldest Time]. Barkhudarov S.G., ed. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz Publ. 354 p.
- Ustyugova L.M., 1987. Knizhnoslavyanizmy i sootnositelnye rusizmy v osnovnykh spiskakh «Povesti vremennykh let» [Book Slavism and Relative Russisms in the Main Lists of the Tale of Bygone Years]. *Drevnerusskiy literaturnyy yazyk v yego otnoshenii k staroslavlyanskomu* [The Old Russian Literary Language in Its Relation to Old Slavonic]. Moscow, Nauka Publ., pp. 90-105.
- Shakhmatov A.A., 1952. *Iz trudov A.A. Shakhmatova po sovremennomu russkomu yazyku (uchenie o chastyakh rechi)* [From the Works of A.A. Shakhmatov on Modern Russian (The Doctrine of the Parts of Speech)]. Moscow, Uchpedgiz Publ. 272 p.
- Shakhmatov A.A., 2001. *Razyskaniya o drevnerusskikh letopisyah* [Searches About Old Russian Chronicles]. Moscow, Akad. Proekt Publ.; Zhukovskiy, Kuchkovo pole Publ. 880 p.
- Unbegaun B.O., 1968. Le russe litteraire, est-il d'origine russe? *American Contributions to the International Congress of Slavists*. Paris, The Hague, s.n., pp. 24-130.

SOURCES

- Likhachev D.S., Adrianova-Peretz V.P., eds. *Povest vremennykh let* [A Tale of Bygone Years]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1999. 668 p.
- Astakhova A.M., ed. *Onezhskiy byliny, zapisannyye A.F. Gilferdingom letom 1871 goda* [Onega Epics Recorded by A.F. Hilferding in the Summer of 1871]. Moscow, Izd-vo AN SSSR. Vol. 2. 1950. 810 p.; vol. 3. 1951. 669 p.
- Soymonova A.D., ed. *Sobraniye narodnykh pesen P.V. Kireyevskogo: Zapisi Yazykovykh v Simbir. i Orenburg.guberniyah* [Collection of Folk Songs by P.V. Kireevsky: Recordings of Yazykovs in the Simbirsk and Orenburg Provinces]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-niye Publ., 1977, vol. 1. 327 p.

Information About the Author

Elena N. Bekasova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and Russian Language Teaching Techniques, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, bekasova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0630-2395>

Информация об авторе

Елена Николаевна Бекасова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия, bekasova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0630-2395>